Суть времени Сергея Кургиняна

Автор:
Евгений Веденеев

Суть времени Сергея Кургиняна

Евгений Сергеевич Веденеев

Протоколы кремлевских мудрецов

Сергей Кургинян и его движение «Суть времени» стали новым словом в российской политике. Словно из ниоткуда появились тысячи людей, готовых грудью встать на защиту своей страны от оранжевой угрозы. Они предлагают свою альтернативу неолиберальному курсу как правительства, так и прозападной оппозиции – строительство СССР 2.0. Но что это такое? В книге подробно проанализированы взгляды С. Кургиняна по всем основным вопросам политики и экономики нашей страны, а самое главное, доступно изложена та альтернатива, которую предлагает известный политилог, историк и уличный политик. «Антиоранжевые акции», возвращение советского наследия и резкое противостояние ювенальной юстиции – вот то, чем успели на всю страну прогреметь участники «Сути времени» всего за год своего существования. Первое исследование необычного явления на отечественной политической арене.

Евгений Сергеевич Веденеев

Суть времени Сергея Кургиняна

© Веденеев Е.С., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

* * *

Введение

Каждое время порождает свою идеологию. Чтобы понять корни любой идеи достаточно вдумчиво проанализировать тот исторический контекст, в котором она была рождена.

Разложение феодализма, великая и страшная эпоха крестьянских войн, Тиля Уленшпигеля и Парижа, который стоил мессы, дали миру протестантскую этику, которая не просто отринула тысячелетний феодальный уклад, но и воспела и поставила во главу угла новый тип отношений – капитализма. Экономическая формация прямо отразила себя в молодой и агрессивной капиталистической идее.

Точно так же пора монополий и промышленного рабства, эпоха, когда алчная дележка мира его новыми хозяевами (уже не вчерашними героями антифеодальных восстаний, а матерыми капиталистами, в которых не осталось ни капли героики) – породила и целый комплекс идей, подобный порядок вещей отрицающих, от анархизма, до марксизма.

Все вышесказанное касается и нашей страны, последних трех десятков лет ее существования. Чудовищный по масштабам и последствиям крах первого в мире социалистического эксперимента и его последствия не могли не сказать на господствующей идеологии, которая в условиях грабительской приватизации и тотальной криминализации общества выразилась в одной из самых бесчеловечных мутаций либерализма. Российский либерализм, благодаря тем условиям, в которых он родился, стал фактически новым изданием социального дарвинизма. Право сильного – вот главный принцип российских либералов.

Однако совершенно нет ничего удивительного в том, что эта идеология рано или поздно, по железным законам исторической неизбежности, должна была породить и контр-идеологию. Для того, чтобы понять, что же за контр-идеология сегодня способна встать преградой на пути российских социальных дарвинистов, мы и должны вдумчиво разобраться с ее историческим контекстом. С Сутью времени.

Широкое распространение идей Сергея Ервандовича Кургиняна не случайно пришлось именно на последние годы, годы, когда с одной стороны, себя скомпрометировали или показали свою неработоспособность, все, господствующие в обществе идеи. А с другой стороны Россия, уже несколько сошедшая со страшных рельс либеральной псевдомодернизации, рельс, которые ведут нашу страну в пропасть, снова столкнулась с атакой социального дарвинизма.

Вот так и появилась Суть времени. Историкам и философом еще только предстоит осознать и оценить ту колоссальную работу, которая была проделана Сергеем Кургиняном для спасения не только России, но и всей советской цивилизации – как идеи, архетипа.

Борьба еще не закончена, она только начинается и нам жить в ее условиях, хоти мы того или не хотим. Для того, чтобы не стать слепой игрушкой противоборствующих сил, для того, чтобы свободно и осознанно сделать свой выбор (а свобода – это ни что иное, как осознанная необходимость), нам и необходимо внимательно разобраться с тем, что же такое Суть времени – идеология России XXI века.

Часть I

Что такое Суть Времени?

(по материалам движения «Суть времени»)

Сутью времени занимались много специалисты разных профессий. В конечном итоге тайна самого времени есть еще и физическая тайна. Что такое активное и пассивное время – обсуждал астрофизик Козырев. Способно ли время само создавать что-нибудь из себя – тема, обсужденная многими астрофизиками. Что такое время, начиная со взрыва нашей Вселенной, первые десять в минус двадцать четвертой там какой-нибудь, двадцать пятой секунды, обсуждают до сих пор и спорят об этом, каково оно было, чем оно являлось, было ли оно

похоже на то время, которое существует сейчас? Чем время в музыке отличается от обычного времени? Что такое время художественного восприятия произведения? И т. д. и т. п. Аспектов, связанных с проблемами времени, много. Ну, а что такое есть, в конце концов, история? Это процесс, развивающийся во времени. Если мы обсуждаем историю и смысл истории, мы не можем миновать проблему времени. Тесно, кстати говоря, связанную в религиозной литературе (я имею в виду религиозно-философской, например, «Иосифа») с проблемой Души. Время и Душа – понятия близкие.

Но я-то хочу говорить о нашем времени, и хочу говорить о нем с какой-то позиции, которая могла бы быть одновременно и философской, и политически актуальной.

Итак, мне хотелось бы, прежде всего, обсудить степень катастрофичности того времени, в котором мы живем. Степень катастрофичности ситуации в России сегодня, а значит и перспективы, способы выхода из этой ситуации. А также, собственно, и судьбы – как тех, с кем я разговариваю, так и свою собственную, потому что я лично из России уезжать не собираюсь, чтобы здесь ни случилось.

Итак, что же произошло со страной, и чем является то, что одни называют «революцией здравого смысла», победившей революцией, так сказать, как бы демократов, которые «вывели страну на магистральный путь истории», а другие называют «катастрофой», «преступлением» и еще неизвестно чем. И те, и другие называния уже ни о чем не говорят, потому что на сегодняшний день надо попытаться понять, в чем качество ситуации. Как я неоднократно говорил в предыдущей передаче «Суд времени», которой обещал не касаться: сейчас время не проклинать и не прославлять, а понимать. Я выскажу по этому поводу свою точку зрения. Она, безусловно, спорна и может быть в чем-то является усложненной, но я иначе ее сформулировать не могу. И мне кажется, что я не видел, к сожалению, никаких формулировок, которые бы давали пусть усложненные, но рецепты того, как действовать, исходя из того, что случилось. А отрывать «Что случилось?» от «Как действовать, как преодолевать случившееся?» – невозможно. Как нельзя в принципе отрывать диагноз болезни от способов ее лечения. Конечно, может оказаться, что болезнь неизлечима. Но даже в этом случае люди волевые и мужественные идут до конца и лечат больного, даже не имея никаких шансов на успех. И, как говорит опыт медицины подобного типа, иногда и достигают успеха, и совершается чудо. Которое для меня, например, является не чудом, а предельным сосредоточением воли, интеллекта, желания добиться результата вопреки всему, а также таланта того,

кто этого результата добивается.

Так что же все-таки случилось со страной, как я понимаю случившееся, все то, что Путин, будучи президентом, назвал «геополитической катастрофой»? Я говорил об этом и в своей книге «Исав и Иаков», и во множестве статей, в выступлениях на клубе и выступлениях по телевидению, радио и в печати. Я говорил много раз о том, что, с моей точки зрения, определения «геополитическая катастрофа» недостаточно. Конечно, произошла геополитическая катастрофа распада СССР, но перед этим или параллельно с этим произошла другая, гораздо более важная для граждан страны катастрофа, которую я называю катастрофой метафизической, или падением.

Я постараюсь (принося заранее извинения за то, что это, может быть, будет несколько усложненно) разъяснить, что я имею в виду под метафизической катастрофой, что я имею в виду под ней, – особенно для тех, кто в принципе не сопричастен религии, как и ваш покорный слуга. Я считаю себя человеком, обладающим определенной метафизикой, и при этом вполне светским.

Итак, что же все-таки произошло конкретно, и как это в принципе было организовано?

Обсуждая это, мы не можем не давать представление о человеке, о человеческом обществе. Мы должны договориться сначала, и это всем очевидно, что кем бы ни был человек (а тайна человека велика, и она будет исследоваться до тех пор, пока человек существует, и, вероятно, до этих же пор останется тайной достаточно неразгаданной), – в любом случае, человек не зверь. Мы все понимаем, что он не зверь, не только потому, что он обладает разумом. Он обладает чем-то еще. Кто-то называет это душой, кто-то говорит о том, что он обладает сверхсознанием или какой-то способностью ориентироваться на смыслы. В любом случае, человек принадлежит не только Природе, хотя он принадлежит, конечно, и Природе тоже.

Он, как и зверь, ест, спит, пьет, производит потомство, защищает территорию, конкурирует с себе подобными, с кем-то кооперируется в коллективы, что на зверином языке называется «стаей», и т. д., и т. п. Он во многом подобен зверю, но он не равен ему, ему не тождественен. Он представляет собой качественно другое. Разница между человеком и зверем столь же велика, как разница между культурой и природой. Человек создает свой социальный мир, свою среду, в которой он живет, и это все понимают.

Внутри этого различия между человеком и природой возникает двухслойность, или бинарность человека. Человек, с одной стороны, является в каком-то смысле зверем, а в каком-то смысле – чем-то другим. В том смысле, в каком он является зверем, у него есть потребности, физические, отчасти психофизиологические и другие. В том смысле, в котором он является чем-то другим, у него есть высшие мотивы, он реагирует на смыслы, он живет в мире ценностей, он имеет представление о чести, долге и о многом другом.

Это можно называть по-разному. Можно просто остаться при тех определениях, которые я сейчас даю, и их совершено достаточно. Но как-то зачем-то мне захотелось (и я об этом не жалею) адресовываться здесь к библейским сюжетам и сказать, что все, в чем человек является зверем, и все, что связано с ним материального, животного, элементарного – это все можно назвать «чечевичной похлебкой». А все то, что в человеке есть сверх этого, – высокое, идеальное, духовное, устремленное к чему-то, кроме скотского звериного существования, – вот это все и есть «первородство».

Я использую эти понятия (или эти символы, метафоры, эти лингвемы) условно и прошу не требовать от меня, чтобы я глубоко вдавался в библейские сюжеты, размышлял, чем род Иакова отличается от рода Исава, что произошло на самом деле между Иаковом и Исавом, в каком смысле Иаков совершил мошенничество, обменяв чечевичную похлебку на первородство, – мне в данном случае это совершенно не интересно. Я очень люблю эти сюжеты, и готов бесконечно их обсуждать, но сейчас не в них дело. Хотите – говорите «высшее – низшее», хотите «первородство – чечевичная похлебка». Главное, что человек бинарен, в нем есть и то, и другое.

Те, кто обрушил Советский Союз, послали в наше общество, которое почему-то к этому было готово, два главных мессиджа.

Мессидж № 1 состоял в том, что, знаете ли, ваше первородство настолько тухлое, что дальше некуда! Сталин убил десятки миллионов людей, а вместе они убили чуть не сто миллионов людей. Каждый день убивали, ели вас живьем, унижали, топтали, договаривались с Гитлером, творили чудовищные дела, ни одной живой молекулы чести и совести на вашей истории нет. И если вы будете держаться за это первородство – вы сумасшедшие.

Это был первый мессидж. И за время передачи «Суд времени» я очень хорошо понял, как он был организован. Это довольно забавно, и я считаю, что тут есть о чем поразмыслить.

Американцы, не будь дураками, заказали своим нормальным, вменяемым, не слишком талантливым, но достаточно добросовестным исследователям идеологически ориентированные исследования по каждому эпизоду нашей советской истории. По стахановскому движению, по началу войны, по коллективизации, по чему угодно еще, по всему! Это был широкий спектр среднеоплачиваемых исследований, которые исследователи провели в меру добросовестно и в меру тенденциозно, потому что им была задана эта тенденциозность. Они должны были каждую молекулу нашей истории разделать, как бог черепаху, то есть дискредитировать – достаточно убедительно, на основе фактического материала.

Они это сделали, и это легло на полки. И если б оно лежало на полках, ничего бы не было. В сущности, мы тоже занимались американским империализмом, критиковали его сколько угодно. Но! Это все не осталось на полках, это все перешло в наш спецхран и стало функционировать под рубрикой «Для служебного пользования», малой серией, не важно как еще. Зависело от того, что это были за произведения – Коэн, Конквист, Бжезинский – и т. д., и т. п. Все это существовало для некоего круга, который должен был знакомиться с буржуазными теориями и с тем, как они наводят тень на наш плетень – дабы лучше вести идеологическую информационную войну. Среди этих людей были фрондеры, то есть люди в погонах или с соответствующими допусками и при довольно высоких политических функциях, и при этом давно уже относящиеся весьма скептически к советской истории и советскому обществу. Не говорю, что эта история и это общество не давали к тому определенных оснований, но сейчас не в этом дело. Такие люди были, и я их называю «фрондерами» – фрондерами в погонах или фрондерами при определенном общественном положении. И они это все читали. Не скажу ксерировали, потому что тогда было «не модно», но каким-то образом давали с этим знакомиться своим друзьям-диссидентам. И рано или поздно вся эта литература, переведенная на русский язык, чаще всего нами, и доставленная сюда тоже чаще всего нами, становилась достоянием диссидентских кухонь, где ее десятилетиями обсуждали люди, которые уже окончательно разорвали отношения с советским обществом по тем или иным основаниям. Не буду обсуждать, насколько эти основания были глубокими, насколько поверхностными, насколько корыстными, насколько идеальными, они были разные. Короче говоря, они разорвали отношения со своим обществом по принципу известного анекдота, как диссидент пишет

объявление в газету: «Пропала собака, сука, (дальше – матерное слово), как я ненавижу эту страну!»

Так вот такие диссидентские круги собирались действительно на кухнях, которые назывались диссидентскими, они могли уже находиться как в отказе или под преследованием власти, но в начальном периоде, так и в достаточно комфортном положении. В любом случае, они подолгу все это обсуждали. Обсуждали детально, подробно, накапливая этот яд ненависти, как бы обучаясь на этих книгах, запоминая все, что там находится, в основном факты, факты, факты, которые им казались убийственными, неоспоримыми и все прочее. Так постепенно формировался наш отечественный диссидентско-фрондерский дискурс. То есть объем определенной литературы по каждому элементу истории, который обсуждался и проговаривался в достаточно узких кругах. Ради бога, он мог проговариваться до Второго Пришествия, это ничего бы не меняло.

Но! Произошло следующее: как только началась перестройка, немногочисленные высокие партийные функционеры, которые ее замыслили (а в сущности один человек – Александр Николаевич Яковлев), осуществили следующий прием – они соединили диссидентов с уже проработанным ядом, с этим проработанным контентом или дискурсом, потому что уже все эти знания были не только выучены наизусть, но и оформлены в определенные идеологемы, в определенные интеллектуальные комплексы. Они всех этих самообразовавшихся и отточивших на диссидентских кухнях свою злость и аргументированность людей соединили со средствами массовой информации (которые монопольно на тот момент контролировались правящей партией). Прежде всего, конечно же, телевидением, но и не только. Таким образом, они дали диссидентам излить весь яд на общество, весь накопленный ими яд, который, опять-таки повторяю, был построен по принципу: сначала американские исследования, потом их перевод и их существование в спецхранах, потом их размещение на диссидентских кухнях, потом детальная проработка, формирование дискурса и, наконец, – вперед!

Было ли это так смертельно опасно, что в этой ситуации общество было обречено? Никоим образом. Достаточно было разрешить нормальную демократическую дискуссию и людям, которые обладали другим представлением о процессе, а главное тем людям, которые умели разговаривать и спорить, дать возможность вести полемику – и, возможно, Советский Союз был бы спасен. А главное – население не сошло бы с ума настолько, насколько оно сошло. Крыша бы поехала не так сильно, удар был бы не так силен, это бы не

носило характер когнитивного шока, не носило бы характер широкой социокультурной травмы. Травмы не индивидуальной, хотя и индивидуальной тоже, но коллективной, общественной, национальной, назовите ее как хотите.

Но тем другим людям говорить не дали. Или им дали говорить на таких площадках, на которых их не слышали. Или же вместо них выдвигались оппоненты, которые заведомо могли только дискредитировать саму идею оппонирования таким замечательным интеллигентным образованным противникам, какими были диссиденты, которых выпустил Яковлев на телеэфир или в наиболее популярные газеты, которые, подчеркиваю опять, на том этапе полностью контролировались правящей партией.

Итак, удар был чудовищно силен! Никакого противодействия этому удару не было. Более того, на том этапе полемика носила заведомо тупиковый характер – потому что с одной стороны были люди, которые обладали знаниями или тем, что они называли знанием, дискурсом, совокупностью фактов, аргументов: «Вот это было на самом деле так, так и так, вот архивы, вот данные, вот факты» и так далее. А с другой стороны находились люди, которые говорили: «Злопыхатели, не смейте трогать наш советский миф, нашу замечательную легенду о стране и обществе!»

Если бы наше общество было традиционным и охраняло бы свой миф так, как католики в каком-нибудь XVII веке охраняли миф о непорочном зачатии, то есть на любое оскорбление своих святынь отвечали бы просто ударом, так сказать, выхватываемой шпагой, то, возможно, в этом бы не было ничего страшного. Но наше общество было уже модернизированным, современным, оно не сакрализировало свои мифы и не готово было подобным образом их защищать. Оно хотело не мифов, а правды. И как только сторонники Советского Союза и советского общества начинали говорить о том, что вот, де мол, у нас есть священное, у нас есть мифы, [их противники] говорили: «Подожди, подожди, а может, на самом-то деле, все было пакостным? Может, ты нам просто врешь? Может быть, это идеологическая мулька?» и т. д., и т. п.

Таким образом, произошел колоссальный непоправимый фантастический разгром, который начался, по-видимому, все-таки где-нибудь в году 86-м, либо в конце 86-го – начале 87-го, и закончился в 90-м, 91-м. Это был недолгий период, который определил безумно многое в нашей истории. Потому что за это время широчайшим общественным слоям было доказано, что их первородство – тухлое, порченное! И свои это признали. Свои нашего общества, наши

соотечественники. Я видел это, я являюсь очевидцем, я участвовал тогда в дебатах, на «горячих линиях» на московском телевидении или на каких-нибудь открытых площадках. Я видел людей с поведенными глазами, которые уже приняли в себя дозу этого диссидентского яда, и которые просто сходили с ума от злобы, ненависти, разочарования, от ощущения того, насколько они обмануты, как им вешали лапшу на уши так много лет, и как на самом деле все это было.

В оправдание своих соотечественников могу сказать, что по ним ударили очень сильно. По ним ударили так сильно, как никогда. И если бы, повторяю, не монополия правящей партии, которая это преступно сделала и которая здесь во всем виновата, конечно, в первую очередь, ибо всегда виноват тот, кто властвует. И если бы одновременно с этим была бы свободная равноправная дискуссия, которой тоже не было, и тоже благодаря правящей партии, которая ее не допускала. Если бы это все было в нормальных демократических формах полноценной равновесной дискуссии, то, возможно, наши соотечественники не были бы так сильно травмированы и деформированы. Но это было так, как это было. В этом смысле история не имеет сослагательного наклонения. Это уже произошло! Сознание было взорвано! Этим страшным ударом, этим первым мессиджем.

Но был и второй мессидж, ничуть не менее важный. Он заключался в следующем, этот мессидж № 2: «А зачем вам вообще нужно первородство?! Однова живем! Мы живем сегодняшним днем, дайте пожить! Откуда все эти бредни о том, что необходимы какие-то идеалы, что нужна жертвенность, что мы должны жить какими-то смыслами? Да не этим живем!»

Помнится, у Шмелева была статья «Идеалы и интересы», если мне не изменяет память. В любом случае, таких статей было очень много, и идеалы были вообще – вообще! – дискредитированы. Очень сильно, всеми возможными способами – осмеянием, дискредитированием. Не только конкретно советские идеалы, но идеалы вообще! Американская мечта никогда не отменяется, она всегда существует – и как американская миссия, и как многое другое. Русским с этого момента сказали, что ни миссии, ни мечты быть не должно вообще. Не только советской, которая «ложна и порочна, ужасна и омерзительна», но и вообще никакой! Жить надо интересами, то есть вот этой самой чечевичной похлебкой. Эрих Фромм называл это «гуляш», но вот мне ближе термин «чечевичная похлебка».

Оба эти мессиджа проникли в сознание наших соотечественников, огромного количества соотечественников, и в итоге они отказались от своего первородства. Причем если в 91-м году, в 90-м и даже в 92-м можно было считать, что они отказались во имя демократии, свободы, права и всего прочего – то есть во имя другого идеала, что в принципе является допустимым. В конце концов, что такое революция 1917 года? Один идеал (православной империи, креста над Святой Софией, православной симфонии и всего прочего) меняется на другой идеал (коммунизм). Идеал на идеал – это такой бартер, такая рокировка.

Это и есть История. Она каждый раз зависает над бездной потому, что каждый раз обрушение одного идеала тяжелейшим образом травмирует общество, но тут же другой идеал заменяет этот идеал, и что-то устанавливается.

К 93-му году стало ясно, что наши соотечественники в значительном количестве поддержали Ельцина, уже поняв, что они обмануты. Уже имея некий символ в виде Белого Дома, над которым были подняты все знамена, включая красное. Уже зная, что Ельцин к этому моменту нарушил право и выпустил указ 1400, который был заведомо неправовой. Они все равно не поддержали ту сторону. Некоторые ссылались на то, что это какой-то там неприятный чеченец Хасбулатов. Это полная чушь – потому что не Хасбулатов управлял, а управлял Верховный Совет, избранный самими этими гражданами, которые могли, в конце концов, его потом переизбрать, и большинство в котором составляли люди с очень разными убеждениями, как некоммунистическо-патриотическими, так и отчасти коммунистическими. Поэтому эти все адресации в адрес Хасбулатова совершенно не имеют никакого права на существование.

Граждане просто поверили, поверили тому, что Ельцин сказал, что он ляжет на рельсы, если рынок и вообще реформы не наполнят это корыто очень вкусной чечевичной похлебкой. Гораздо более вкусной похлебкой, чем та похлебка, которую предлагал советский во многом, действительно, аскетический и скудный строй. Граждане в это поверили – и в этот момент завершили, оформили, подвели черту под этапом, который называется метафизическим падением. Ибо смена первородства на чечевичную похлебку и есть такое метафизическое падение.

При этом я должен сказать, что интеллигенция, которая в этом участвовала (и не просто участвовала, а фактически науськивала граждан, двигала их этим

путем) совершила нечто чудовищное. Ибо она действительно к мессиджу № 1, согласно которому советское первородство порченное, добавило мессидж № 2, согласно которому идеалы – это вообще фуфло.

Ни одно общество, если оно хочет существовать, ни одна власть, если она хочет властвовать, никогда не рубит сук, на котором сидит. Она не уничтожает Идеальное вообще. Уничтожая какое-то исторически обусловленное Идеальное, например, советское (или досоветское), она тут же вставляет на его место другое Идеальное. Отсюда Ленин, который мучительно рассуждал, от какого наследства мы отказываемся, а от какого не отказываемся. Потому что он понимал, что от всего даже отказаться невозможно, поскольку тогда не сумеешь никуда вставить эти свои новые идеалы – они не срастятся. А если они не срастятся немедленно, если не возникнет нового идеального содержания, то ты обществом управлять не можешь, власти быть не может, не может быть легитимности, не может быть ничего! Есть только полузвериное стадо, растерянное и беспомощное, которое не способно быть опорой никакой власти.

Итак, в этом смысле интеллигенция совершила двойное преступление. Она, во-первых, действительно огульно дискредитировала то, в чем не разобралась (я имею в виду советское общество). Во-вторых, она дискредитировала Идеальное вообще. Дискредитировав его, она и себя лишила будущего, потому что она оказалась не нужна. Интеллигенция была жрецом идеального. Если она отказалась от идеального, то зачем она нужна вообще? И власть, власть обрекла на жалкое прозябание, потому что опереться на безыдеальное общество невозможно, можно только плыть вместе с ним по какому-то страшному течению. Это даже не река Стикс, эта бесконечно вонючая, зловонная речка, которая постепенно-постепенно течет в какие-то канализационные поля, а не даже в поля Аида или в Элизиум. Нет, она течет в нечто гораздо более стыдное и страшное. И можно только лавируя плыть по этому течению. Вот что было сделано.

Итак, с того момента как это было сделано, а это было окончательно сделано, конечно, в 93-м году (91-й тут не могу считать окончательной вехой просто потому, что была вся неоднозначность фактора Горбачева, фактора растерянности, непонятность будущих перспектив, частичная незаконность действий ГКЧП и многое другое, там была неопределенность). В 93-м году была полная определенность, но к Белому Дому пришло не пятьсот тысяч человек и не триста тысяч человек, а сорок-пятьдесят тысяч, что бы кто ни говорил.

На расстрел [Белого Дома] смотрели достаточно хладнокровно. После расстрела оказалось растоптанным все – право в его демократическом понимании, демократические выборы в том подлинном смысле слова, который мог бы как-то ассоциироваться со свободой, а свобода величайшая ценность. И уже было понятно, что все это сделано только ради того, чтобы кто-то обогатился, и после этого развился вот этот самый капитализм, ради которого это все и делалось.

Но ведь это делалось не ради капитализма как такового, потому что никто же не воспринимал в этот момент капитализм уже как нечто идеальное. Я подчеркиваю – идеальное рухнуло! Это делалось ради каких-то конкретных приобретений, именно материального характера. Ради большего просперити (процветания), ради большего количества чечевичной похлебки, которая окажется в корыте. Граждане, отбросив первородство, совершили метафизическое падение, и этим завершили первый этап своей мистерии.

Но возник второй этап. Этап расплаты. Потому что когда ты продаешь первородство за чечевичную похлебку, то потом начинает медленно или быстро исчезать эта чечевичная похлебка. Так действует князь мира сего… Хозяин времени тьмы. Он именно таким способом – в этом его суть – разбирается с теми, кто отказался от идеального.

Почему же граждане считали, что они каким-то образом получат больше чечевичной похлебки? Если, скажем, советское общество давало некий X этой похлебки, то почему граждане считали, что ее будет больше?

То, что я здесь назвал метафизическим падением, для людей, которым не близка религиозная терминология, может быть названо регрессом, сбросом, социокультурным падением или инволюцией. Эти все слова уже не имеют строго религиозного смысла, они имеют другой смысл и очень сходный, очень сходный. Если действительно считать, что суть в этом, что отказ от идеального, вот этот слом, вот эта катастрофа общественного сознания порождает регрессивный процесс, а я в этом убежден, вижу это каждый день и не могу в своих прогнозах, оценках или рекомендациях исходить из чего-нибудь, кроме того, что я вижу. Я буду страшно рад обмануться. Я буду очень рад, если процесс не так неблагополучен. Потому что единственное, чего я хочу, – это жить в стране, которая не превращается на моих глазах в место одной из самых главных катастроф XXI века, и жить в ней вместе с другими, работать. Мне вполне достаточно, если бы я просто ставил спектакли и радовал ими зрителей. Если я еще могу при этом издавать журналы, разговаривать с людьми по масс-медиа и

прочее, то это абсолютно наполненная жизнь, и никакого другого типа жизни мне здесь не нужно. Вопрос заключается в том, что просто эта катастрофа естественно пройдет по мне – так же, как и по всем остальным гражданам. И все, что мне хочется, – это ее избежать. Но если я вижу, как дело к ней идет, то закрывать на это глаза и говорить: «Нет, нет, это не катастрофа! Не катастрофа, не падение, а что-то другое. Это не сброс, не регресс, а что-то совсем другое – происки мафии, козни ЦРУ и больше ничто».

Я не говорю, что ЦРУ не участвовало в процессах, которые здесь происходят, и не говорю, что мафия не захватила отчасти власть, превратившись уже давно во что-то другое, гораздо более страшное, чем мафия. У нас нет мафии и нет коррупции, у нас есть новые формы социально-политической организации общества. Конечно, все это есть, но это не есть окончательный диагноз. Это есть компоненты произошедшего.

Сутью же, ядром произошедшего является, с моей точки зрения, вот эта метафизическая катастрофа падения. Когда она произошла, завершилась первая часть мистерии. Начался регресс. Но граждане-то твердо считали, что если они сделали это… продали это. то теперь они получат что-то взамен. И им было важно понять, что же они получат. Что они получат вместо X советского потребления – скромного, далеко не идеального, скудного, в чем-то не лишенного унизительности (очередей и всего прочего)? Они должны были получить больше, чем X. За счет чего?

Я уже сказал, что происходящее, являющееся метафизическим падением, для человека, который мыслит духовными категориями, может быть названо «регрессом», «сбросом» или «инволюцией». Так вот, в процессе инволюции особь, которая начала двигаться по пути инволюции или регресса, или коллектив, который начал двигаться по этому пути, или макро-коллектив, именуемый «нация», «общество» и так далее – любое такое сообщество или индивидуум, начав двигаться по этой траектории, мыслит для себя любые приобретения как отказ от обременений. Где в итоге – при очень глубокой инволюции – обременением может оказаться все что угодно. Больной, а то и здоровый ребенок, больная, а то и здоровая жена, все что угодно! Старик-отец, старуха-мать, все что угодно! В пределе – все что угодно, если человек начал падать, то есть двигаться, встал на путь инволюции. А граждане мыслили некими скромными отказами от обременений.

Первое, от чего они хотели отказаться, и считали это очень разумным, – это от того, чтобы кормить разного рода братские страны – Кубу, Анголу или, например, страны Варшавского Договора. Пресловутая поговорка «Куба – си, мясо – но» отскакивала от зубов наших не только диссидентствующих, но и вообще скептически настроенных по отношению к происходящему граждан только так. «Давайте, – сказали граждане, – раз уж мы не строим коммунизм во всем мире (то есть мы отказались от первородства), давайте-ка теперь откажемся от того, чтобы кормить Кубу, Анголу, СЭВ и все прочее, и мы получим к X некий Y. Потому что мы, освободившись от этого обременения, можем все средства направить на потребление. И у нас потребление станет больше!». Как говорят математики, X+Y больше, чем X. Вроде все логично.

Второе – оборона, военно-промышленный комплекс. «Давайте, – сказали граждане, – если уж мы не воюем с Америкой за коммунизм, у нас нет с ней идеологического конфликта, а также всего другого, давайте не будем создавать такой военно-промышленный комплекс, такую армию, чтобы она так сверхдержавно поддерживала наши интересы аж на Кубе и бог знает где, в Никарагуа или неизвестно где еще… В Афганистане… Давайте это все обременение по крайней мере уменьшим, и за счет этого некое Z, взятое за счет уменьшения этого обременения, тоже пустим на потребление. X+Y+Z еще больше X! Намного больше X! Смотрите, как мы уже движемся к своему счастью чечевичной похлебки!».

И вроде бы эти первые два шага были логичны в том смысле, что вроде сними эти обременения, направь их на потребление, купи шмоток, продуктов и чего-нибудь еще, и действительно окажется больше.

Но граждан соблазнили на третий шаг. Им сказали: «Нужно сделать еще один шаг ради увеличения чечевичной похлебки, причем радикального. У нас неэффективная экономика, неэффективное советское государство, весь этот «совок» производит очень мало! Он неэффективно производит, он неспособен наполнить прилавки, произвести очень много разного рода продуктов, он на это не способен! Давайте заменим его на наш капитализм! Тогда вместо X наш капитализм произведет 100 X! Да, он возьмет себе 70 X. Потому что богатые должны быть богатыми, потому что он не будет иначе работать. Но 30-то он оставит нам! Мы в 30 раз повысим свое потребление за счет только одного действия – мы быстро построим капитализм!». Или, как говорил Ельцин: когда заработает дремлющая рука рынка, дремлющие силы! Мне так и виделись гекатонхейры. их так звали, кажется, в Греции, такие сторукие существа,

которые сейчас заработают, и «пойдет уж музыка не та, у нас запляшут лес и горы»! Граждане согласились и начали строить капитализм, причем, поскольку им 100 X захотелось быстро, то они решили построить его в несколько лет.

Мы много раз спрашивали их (можете прочитать мои ранние книги, подобные «Постперестройке», или статью «О механизме соскальзывания»): с какой стати в стране, где законные накопления ничтожны, где даже академик или крупный юрист не может накопить за свою жизнь больше ста тысяч рублей, с какой стати в такой стране сформируется нормальный капитал? Кто купит эти заводы и фабрики? Магазины и спортивные залы? Кто это все купит?! Было сказано тогда же: «Да, это купит мафия! Цеховики, мафия. Ну, во-первых, поскольку все «совки» – люди нездоровые, то все «антисовки» – люди здоровые, поэтому они-то и есть соль земли нашей. Во-вторых, не важно, что они преступники. Они, когда купят, станут хорошими!»

То есть фактически была дана санкция на построение не капитализма вообще, а на ускоренное построение криминального капитализма. Который и построили! И который, оформившись, вовсе не захотел отказываться от своей криминальности и никогда от нее не откажется! Если был наихудший способ построения капитализма в России. Я-то считаю, что построение капитализма в России вообще дело довольно дохлое. Если этот капитализм сдал все позиции в 1917 году, в феврале, когда состоял из действительно совсем не худших и достаточно честных людей, много жертвующих на культуру, науку и на все остальное, если он тогда не выдержал политически, то тут есть много вопросов о том, в какой степени Россия с капитализмом сочетаема в принципе. А также есть вопросы о том, каково будущее капитализма в мире. Вопросов очень много, мы подходим к концу классической капиталистической эпохи или эпохи Модерна, и это тоже видно.

Но, в любом случае, наихудший способ построения капитализма был такой, и именно он был выбран гражданами. Он один! Потому что хотелось быстро-быстро! Как говорится в фильме «Вокзал для двоих»: «Быстренько, быстренько, сама, сама, сама!»

Итак, создали эту зубастую зверюгу под названием «данный капитализм». Зверюга сначала (или одновременно, вам, может, будет так лучше) съела все, что съедали братские страны, то есть Y. Потом съела то, что съедали армия и ВПК, то есть Z. А потом взялась за X, который остался у населения. И она жрет этот скудный советский X! Она его сожрала до 0,8 X, до 0,7, до 0,5 – и она его

сожрет до конца! Граждане этой зверюгой будут съедены до конца. Ибо тот, кто отказался от первородства, чечевичной похлебки не получит! Чечевичную похлебку будут кушать те, кто его соблазнил на то, чтобы он сдал первородство, и в этом для меня диалектика происходящего. В этом вторая часть мистерии падения.

Окончательно граждане поняли, что их дожирают до костей буквально сейчас! Я не знаю, почему они это понимали так долго. Может быть, им сначала казалось, что все дело в каком-то переходном периоде, а потом будет лучше. Может быть, потом казалось, что все дело в том, что у них такой плохой правитель или такое плохое правительство. Дело не в правителях. Вообще бесконечное обсуждение правителей дело тяжелое и бесперспективное, потому что в данном случае речь идет о классе, об опорной базе, о макро-социальном псевдосубъекте, который это все делает, и который выдвигает тех или иных ставленников. Эти ставленники оказываются в сложнейшем положении потому, что, с одной стороны, им все-таки приходится хоть в какой-то степени считаться с народным мнением (порвут-то не макро-социальный субъект, не класс этот в целом, а их конкретно), а, с другой стороны, они полностью должны опираться на этот класс и выражать его интересы.

Итак, вопрос в качестве этого класса. Он ничего не произвел. То есть совсем ничего! Это не значит, что все эти люди, которые сейчас загребают миллиарды, не выдают на-гора какие-то продукты. Они их выдают. Те же, которые создавали в Советском Союзе. Ту же нефть, тот же алюминий и т. д., и т. п. В тех же количествах. Наладив как-то заводы, подремонтировав их. Но они не создали ни сверхчистого кремния (или циркония, или германия), ни каких-нибудь новых микросхем, ни каких-нибудь суперпрограммных продуктов, ничего этого они не создали. Как и не создали они и качественно нового индустриального производства. Нет ничего. Говорят, что были плохие самолеты, плохие машины и плохие вагоны и паровозы. Но теперь нет никаких, кроме купленных за нефть и все прочее. Просто никаких!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vedeneev_evgeniy/sut-vremeni-sergeya-kurginyana

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить